

Злоказов Кирилл Витальевич,

кандидат психологических наук, докторант, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: zkirvit@yandex.ru

Порозов Роман Юрьевич,

кандидат культурологии, доцент, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: r.porozov@yandex.ru

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ВАНДАЛИЗМЕ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вандализм; вандалское поведение; вандалские практики; профилактика вандализма; молодежь; городская среда; социокультурные различия; эмпирические исследования; деструктивное поведение.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются представления узбекской городской молодежи относительно допустимости вандализма. Отмечается, что вандализм является экономически неблагоприятным и социально-деструктивным явлением, обсуждается необходимость противодействия вандалскому поведению. Предполагается, что вандализм выступает формой адаптации жителей к городскому пространству и выражается в его конструктивном и деструктивном преобразовании. Предметом исследования выступают социально-культурные представления молодежи относительно допустимости вандализма. Предполагая, что они влияют на отношение к вандализму и регулируют вандалское поведение, авторы изучают особенности представлений российской и узбекской молодежи.

Эмпирическое исследование нацелено на изучение субъективной ценности социально-культурных объектов городской среды и атрибуции причин вандалских действий. Выборка исследования включает 186 человек, из них узбеков – 97 человек (ср. возраст = 21,2 года, SD = 1,4 года), русских – 99 человек (ср. возраст = 21,9 года, SD = 1,7 года). Все являются студентами вузов г. Санкт-Петербурга, г. Екатеринбурга. Группы сбалансированы по полу, возрасту и социокультурному уровню.

Методами исследования выступают: анкета, изучающая восприятие городских объектов, подвергшихся вандализму (памятник, стена дома, автомобиль), а также собирающая мнения относительно причин вандалских действий. Статистическая обработка проводится методами дескриптивной статистики, эффект различий оценивался с помощью χ^2 Пирсона.

Результаты показывают, что в сравнении с русской молодежью узбекской свойственен более высокий уровень отрицания вандализма по отношению ко всем объектам городской среды, вне зависимости от их ценности. Объяснение этому дается через существование системы мер предупреждения вандализма по отношению к объектам культурного наследия в Республике Узбекистан. Различий в отношении к вандализму объектов общего пользования в выборках не установлено, что свидетельствует о допустимости бытового вандализма, подчеркивает возможность профилактического воздействия на представления молодежи о вандализме. Итогом исследования стало уточнение представлений о регуляции вандалского поведения узбекской молодежи, целесообразности разработки механизмов общественного влияния и контроля для снижения вандалской пораженности российских городов.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Злоказов, К. В. Представление о вандализме городской молодежи Республики Узбекистан: сопоставительный анализ / К. В. Злоказов, Р. Ю. Порозов. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2021. – № 6. – С. 195-203. – DOI: 10.26170/2079-8717_2021_06_23.

БЛАГОДАРНОСТИ: работа поддержана грантом РФФИ № № 17-18-01278 «Молодежный вандализм как реакция на информационные вызовы современной городской среды».

Zlokazov Kirill Vital'yevich,

Candidate of Psychology, Doctoral Student, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Porozov Roman Yur'evich,

Candidate of Culturology, Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

**VANDALISM PERCEPTIONS OF URBAN YOUTH
IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN: A COMPARATIVE ANALYSIS**

KEYWORDS: vandal behavior; vandalism; vandal practices; vandalism prevention; youth; urban environment; sociocultural differences; empirical research; destructive behavior.

ABSTRACT. The article examines the perceptions of Uzbek urban youth regarding the permissibility of vandalism. It is noted that vandalism is economically unfavorable and socially destructive phenomenon, the need to counteract vandalism behavior is discussed. It is assumed that vandalism acts as a form of adaptation of residents to urban space and is expressed in its constructive and destructive rearrangement. The subject of the study is socio-cultural perceptions of young people regarding the permissibility of vandalism. Assuming that they influence the attitude to vandalism and regulate vandalism behavior, the features of Russian and Uzbek youth's perceptions are studied.

The empirical research aims to explore the subjective value of socio-cultural objects in the urban environment and the attribution of the causes of vandalism. The research sample includes 186 people, including

97 Uzbeks (med. age = 21,2 years, SD = 1,4 years) and 99 Russians (med. age = 21,9 years, SD = 1,7 years). All were students of universities in St. Petersburg and Ekaterinburg. All groups are balanced by gender, age, and socio-cultural level.

Research methods include a questionnaire examining the perception of urban objects that have been vandalized (a monument, the wall of a house, a car), and collecting opinions on the causes of vandalism. Statistical processing is carried out by descriptive statistics methods, the effect of differences was assessed by Pearson's χ^2 .

The results show that compared to Russian youth, Uzbek youth are characterized by a higher level of denial of vandalism to all objects of the urban environment, regardless of their value. This is explained by the existence of a system of measures to prevent vandalism against cultural heritage objects in the Republic of Uzbekistan. There are no differences in the attitude to vandalism of public objects in the samples, which indicates the admissibility of domestic vandalism, emphasizes the possibility of preventive impact on young people's perceptions of vandalism. The result of the study was clarification of ideas about regulation of vandalism behavior of Uzbek youth, expediency of development of public influence and control mechanisms to reduce vandalism in Russian cities.

FOR CITATION: Zlokazov, K. V., Porozov, R. Yu. (2021). Vandalism Perceptions of Urban Youth in the Republic of Uzbekistan: a Comparative Analysis. In *Pedagogical Education in Russia*. No. 6, pp. 195-203. DOI: 10.26170/2079-8717_2021_06_23.

ACKNOWLEDGMENTS: the research was performed with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 17-18-01278).

Актуальность исследования обусловлена социальной значимостью противодействия вандализму. Вандальное поведение относится к распространенным формам девиантного поведения. Последствия вандализма – нанесение существенного материального ущерба городской среде и собственникам, из-за чего требуется постоянный ремонт, замена испорченных, поврежденных, сломанных объектов городской инфраструктуры. Вандализм является не только экономически затратным, но и социально-деструктивным явлением, способствующим криминализации жителей города [14]. Вандальные повреждения вызывают негативные чувства, стимулируют безразличное отношение к общественной собственности у подростков и молодежи [4], а вандально пораженная среда усиливает противоправные установки, обесценивая или даже побуждая схожее отношение к городской среде.

Предупреждение вандализма является сложной междисциплинарной задачей. К настоящему времени в научной публицистике отсутствует целостное представление о факторах, регулирующих вандальное поведение. Существующие точки зрения формируются разными концепциями вандализма, учитывают как личностные, так и социальные причины вандальной активности [15]. Незавершенность и неоднозначность научных взглядов не способствует профилактике и предупреждению вандализма.

В свете этого разработка теоретических основ предупреждения вандального поведения выступает важным направлением исследований. По замыслу выполненное нами исследование направлено к социально-средовому направлению изучения вандализма. В основе гипотезы исследования лежит предположение о вандализме как способе преобразования городской среды ее

жителями – своеобразном виде адаптации окружающего мира согласно потребностям, направленности и образу жизни [13].

Разделяя мнение о том, что субъект конструирует окружающую его среду [9], мы выделяем вандальную форму такого конструирования – не соответствующую нормативным и культурным стандартам общественной жизни, но полезную, по мнению жителей [1]. Ее конструктивным примером выступает застройка внутриворотового пространства, его разгораживание, замусоривание и захламление дворов, закрашивание и заклеивание рекламными объявлениями стен домов, подъездов и пр. Деструктивными примерами вандальных форм адаптации выступает выражение собственных эмоциональных переживаний на объектах общественного пользования – граффити, ломание, сжигание, закрашивание и нанесение надписей на дворовых площадках.

Считая вандальную форму трансформации городского пространства неустранимой, мы стремимся изучить факторы продвижения ее конструктивных проявлений и снижения деструктивных. Предметом исследования выступают социально-культурные представления горожан относительно допустимости вандализма. Основываясь на убеждении о том, что данные представления влияют на отношение к вандализму и регулируют вандальное поведение, в проведенном исследовании изучаются особенности представлений молодежи двух стран – России и Узбекистана.

Целью исследования является изучение представлений и установок узбекской городской молодежи относительно уместности вандализма, приемлемости отдельных его форм (граффити) в городе. Результаты исследования нацелены в первую очередь на раскрытие социального влияния на молодежный вандализм и ориентированы на со-

вершенствование практик противодействия вандализму. Данная проблематика ранее уже достаточно подробно рассматривалась в научной публицистике, однако исследованию подвергалась российская молодежь. Сопоставительные исследования, в которых бы изучались и сравнивались взгляды молодежи нескольких стран, представлены редко. Наконец, социально-культурные исследования представлений молодежи разных стран мира о вандализме практически не встречаются на страницах российских научных журналов. Вместе с тем данный вид анализа является полезным, поскольку позволяет выявить роль национальной культуры и социальных представлений в побудительных мотивах вандализма.

В рассматриваемом исследовании представления российской молодежи изучаются в сопоставлении с представлениями узбекской молодежи. Сделанный выбор обусловлен тем, что Узбекистан входит в число стран, обладающих уникальным историческим наследием, а бережное отношение к нему является одной из частей национальной культуры.

Богатое прошлое страны запечатлено в памятниках архитектуры и по праву относится к общечеловеческому достоянию. В настоящее время в перечень Всемирного наследия ЮНЕСКО включены четыре культурных объекта Узбекистана – исторические центры городов Бухара, Ичан-Кала, Самарканд, Шахрисабз. Возникновение этих городов относится к X–VII вв. до н. э., а большинство культурных памятников отражает ход более чем двухтысячелетней истории. На протяжении всего этого времени города Узбекистана играли важную политическую, социальную и экономическую роль в жизни не только Средней Азии, но и государств Европы и Азии. Располагаясь на торговых маршрутах, эти города столетиями оставались местами притяжения разных народов и культур. К настоящему времени изучение истории узбекских городов все еще не закончено. Поэтому историческое наследие является предметом не только национальной гордости, но и заботы. Под защитой государства находятся 8 тыс. культурно-исторических объектов, среди которых более 6 тыс. объектов археологии и архитектуры, около 700 памятников и почти 400 достопримечательностей. Узбеки ценят памятники своей истории и оберегают их для потомков. Мы исходим из предположения, что в представлениях узбекской молодежи находит отражение отношение к культуре страны, поэтому их сравнение с представлениями российской молодежи выявит роль культуры в формировании мнения о допустимости вандализма.

Обращение к молодежи, а не другим возрастным периодам, обусловлено двумя соображениями. Во-первых, как показывает криминологическая характеристика вандализма в России, наибольшее число правонарушений совершается представителями именно этой возрастной группы [6]. Важно отметить, что этот вид правонарушений является латентным, поскольку вандальные деяния, повлекшие незначительный ущерб (менее 5 тысяч рублей), не учитываются криминальной статистикой. Статистические отчеты содержат сведения о преступлениях, т. е. поступках тех лиц, кто своими действиями нанес существенный материальный ущерб. На основе данных об этой категории преступлений и формируется криминологический портрет вандаля, к числу параметров которого относится мужской пол (96% совершенных преступлений), возрасте до 30 лет (64% преступлений), действия в состоянии алкогольного опьянения (58% преступников). Можно утверждать, что такая характеристика является весьма неточной, поскольку описывает только граждан, **привлеченных к уголовной ответственности**, вне внимания оказываются лица, чьи действия были квалифицированы как хулиганство либо умышленное уничтожение чужого имущества, а также избежавшие уголовной ответственности либо понесшие ее в других формах. Соответственно, вандальные действия молодежи ускользают от официальной статистики, не оцениваются в контексте риска последующей криминализации, не подвергаются системной профилактике.

Во-вторых, исследования отношения городской молодежи к вандальному поведению демонстрируют противоречивость и нелогичность представлений о вандализме. Так, изучение представлений молодежи г. Екатеринбурга продемонстрировало единство мнений опрошенных относительно недопустимости вандальных действий, но в то же время различие мнений о действиях, которые следует считать вандализмом [11].

Считая вандализм недопустимым, респонденты относят к нему совершенно разные действия. Кроме того, зачастую то, что для молодежи одного района считается вандальным, молодежь другого района не воспринимает таковым. Наконец, выявлено, что проживание в вандально пораженных районах города никак не влияет на внимание к вандализму: респонденты считают его неотъемлемой частью городской среды. Можно заключить, что неоднозначное отношение к вандализму, обусловленное неопределенностью представлений о его видах и формах, а также игнорирование вандально пораженной среды может яв-

ляться предпосылками готовности российской молодежи к совершению вандальных действий, толерантного отношения к вандальным действиям окружающих людей.

В проводимом нами исследовании выборка российской молодежи будет использоваться для сопоставления результатов изучения представлений, полученных на выборке молодежи Республики Узбекистан. Изучение восприятия узбекской молодежи и сопоставление с результатами исследования россиян является важным источником информации об отношении к вандализму. На основе сопоставления могут быть выявлены факторы, обуславливающие подобное представление, раскрыты социально-психологические механизмы, регулирующие восприятие и оценку вандализма молодежью.

Методология исследования основывается на идее изучения социальных представлений о вандализме в молодежной среде. Предполагается, что социальные представления формируются под влиянием существующей в обществе системы культурных ценностей, убеждений, установок. Вместе с тем эти представления опосредованы индивидуальным отношением молодежи к городскому пространству. Данное отношение формируется под влиянием субъективных потребностей, целей и интересов. В нашем понимании, вандальное поведение регулируется не только социальными, но и индивидуальными факторами, сложным взаимодействием которых и определяется признание или отрицание вандализма.

Теоретической основой изучения выступает субъектный подход, разработанный в российской психологии (С. Л. Рубинштейн). Его положения показывают, что отношение человека к окружающему миру, во-первых, является отправной точкой взаимодействия с ним, во-вторых, определяет поступки и решения человека, в-третьих, может быть основанием внутреннего плана преобразования окружающего мира. Мир человека, по мнению С. Л. Рубинштейна, представляет собой совокупность «вещей и людей, в которую включается то, что относится к человеку и к чему он относится в силу своей сущности, что может быть для него значимо, на что он направлен» [10]. Следуя взглядам Ф. Е. Василюка, мир личности следует рассматривать в контексте выполняемой субъектом деятельности [3].

На этом основании образ вандально пораженной городской среды можно представить частью картины мира городской молодежи. В ней отношение к вандальным повреждениям и вандалам может быть опосредовано образом мира и быть подчиненным ему. В пользу этого предположения высказывался и В. Е. Ключко, предполагавший, что ментальная организация мира в сознании человека включает три компонента – образ мира, образ жизни и жизненный мир. Их взаимозависимость иллюстрируется связанностью онтологического основания (жизненного мира) со способом существования в нем (образом жизни) и отражением его субъектом (образом мира) [7]. Соответственно, представление о вандализме выступает одним из результатов осознания человеком окружающего мира, одновременно с этим является проекцией, раскрывающей направленность на преобразование данного мира [2].

Цели исследования. В ходе исследования изучались представления узбекской и российской молодежи: (а) о субъективной ценности социально-культурных объектов городской среды; (б) атрибуции причин вандальных действий.

Гипотезы исследования. Предполагалось, что узбекская молодежь по сравнению с российской будет:

- присваивать меньшую ценность вандальным повреждениям городской среды;
- более категорично оценивать вандальные повреждения городских объектов.

Процедура исследования ранее уже выполнялась нами на выборке российской молодежи [1]. Ее методическая сторона осталась без существенных изменений для того, чтобы имелась возможность корректного сравнения показателей узбекской и русской выборок.

Переменные и метод их оценки.

1. Субъективная ценность городской среды изучалась путем демонстрации фотографий объектов и нанесенных на них вандальных повреждений. Обследуемым предлагалось оценить, что более ценно – объект или нанесенные ему вандальные действия. Для этого предъявлялись изображения трех объектов с разной социальной ценностью (памятник, здание, автомобиль), каждый из которых подвергался вандальным действиям (см. табл. 1).

Таблица 1

Стимульный материал исследования

Объект культурной ценности	Объект социальной ценности	Объект индивидуальной ценности
Стимульный материал исследования составили: 1. Фотография вандально пораженного памятника советским воинам в Софии, Болгария. 2. Фотография дома, обклеенного объявлениями, Санкт-Петербург. 3. Фотография автомобиля с нанесенной надписью, Санкт-Петербург.		

Предполагалось, что памятник обладает наибольшей социальной ценностью, а личный автомобиль – индивидуальной. Респонденту предлагалось выразить мнение о действиях с вандально пораженным объектом (очистить, оставить, дополнить). Высказывания обобщались и сопоставлялись с результатами обследования российской выборки молодежи.

2. Атрибуция причин вандальных действий изучалась путем анализа представлений узбекской молодежи о побуждении вандализма. После предъявления стимульного материала обследуемым задавался вопрос: «С какой целью это было сделано?»

Подобная постановка вопроса обусловлена, с одной стороны, стремлением избежать социально значимых оценочных высказываний, с другой – направлена на выявление применимости вандальных повреждений в повседневной жизни. Ответы на вопрос заносились в таблицу, а затем обобщались посредством контент-анализа.

Использовались три категории контент-анализа: (а) хулиганский мотив, (б) игровой (развлекательный), (в) художественный (бытовой) мотив. Перечень мотивов определялся по результатам предыдущего исследования, выполненного на русскоязычной выборке. Обработка высказываний показала, что респонденты, как правило, используют три вида мотивировок:

- противопоставление себя обществу (хулиганский мотив);
- желание развлечься, пошутить или повеселиться (развлекательный мотив);
- необходимость ремонта, облегчения или удобства, использования объектов или предметов в быту (бытовой мотив).

Высказывания респондентов рассматривались применительно к каждой из этих категорий, делался однозначный вывод о принадлежности высказывания к одной из них.

В качестве экспертов привлекались три педагогических работника, имеющих ученую степень (кандидаты педагогических наук), каждый из которых выполнял категоризацию высказываний самостоятельно.

Результаты категоризации подверга-

лись оценке. С помощью критерия χ^2 оценивалась степень расхождения мнений экспертов относительно результатов категоризации. Статистически значимых различий между оценками установлено не было, что позволяет судить о соответствии решений экспертов друг другу.

Выборка исследования включала две группы респондентов, сбалансированные по полу и возрасту.

Узбекская группа: 97 человек (ср. возраст = 21,2 года, SD = 1,4 года), 94% – мужчины, студенты образовательных организаций высшего образования, проходящие обучение в городах Санкт-Петербург, Самарканд, Бухара.

Российская группа: 99 человек (ср. возраст = 21,9 года, SD = 1,7 года), 97% – мужчины, студенты образовательных организаций высшего образования, проходящие обучение в городах Санкт-Петербург, Екатеринбург.

Все участники выборки проживают в городах с населением, превышающим 300 тысяч человек, владеют русским языком.

Процедура исследования. Методом сбора данных выступал опрос, подготовленный и проведенный с помощью интернет-технологий, предоставленных «Google» («Google International»). Использование данной технологии обусловлено возможностью предъявления изображений, фиксации ответов; доступностью участия в опросе и его проведения посредством смартфона, возможностью круглосуточной регистрации ответов.

В структуру анкеты входили три изображения вандальных повреждений городской среды (памятника, здания, автомобиля), а также вопросы, измеряющие отношение респондента к вандализму. Персональные данные о респондентах не собирались (за исключением пола и возраста). Участие было добровольным. Участники предварительно знакомились с предметом обследования и содержанием опроса.

Статистическая обработка проводилась процедурами дескриптивной статистики, согласованность мнений измерялась

с помощью коэффициента Пирсона χ^2 , он также использовался для оценки различий между группами узбекских и российских студентов.

Подчеркнем, что примененные в исследовании статистические процедуры не обладают достаточной степенью мощности, позволяющей распространять выводы исследования на генеральную совокупность. Вместе с тем их можно использовать для постановки гипотез при организации более полного исследования, поскольку получен-

ные результаты могут быть интерпретированы с учетом сведений о социально-культурном отношении к вандализму в узбекском обществе.

Интерпретация результатов исследования. Результаты исследования рассматриваются нами последовательно, в соответствии с гипотезами.

В таблице 2 представлены сведения о субъективных оценках узбекской и российской молодежью вандализма, совершенного по отношению к трем видам объектов.

Таблица 2

**Субъективная ценность объектов городской среды
в представлении узбекской молодежи**

Действие с объектом	Группы опрошенных: молодежь...	Объект культурной ценности (памятник)	Объект социальной ценности (здание)	Объект индивидуальной ценности (автомобиль)
Очистить (отмыть)	узбекская	98	95	93
	российская	93	81	84
Оставить	узбекская	1	3	7
	российская	5	12	9
Дополнить (докрасить)	узбекская	1	1	1
	российская	1	2	5

Примечание: числовые данные о суждениях респондентов представлены в процентах, округлены до целых значений.

Различия между выборками статистически значимы для действий «оставить» и «докрасить» по отношению к объектам социальной и индивидуальной ценности (критерий χ^2 , различия частот). Анализируя полученные данные, можно заключить, что узбекская и русская выборки похожи в своем отношении к объектам культурной и индивидуальной ценности, однако различаются в отношении к социальным объектам.

Из таблицы видно, что мнения о сохранении рисунков на памятниках, зданиях и машинах чаще высказывают представители русской выборки. Конечно, эти различия не являются статистически значимыми, однако они поддерживают гипотезу о более широких диапазонах приемлемости вандализма, в том числе и граффити, в российской выборке.

Результаты показывают, что для российской выборки, в отличие от узбекской, свойственно сохранять результаты граффити. Наиболее существенны эти различия по отношению к фасадам зданий. Только 3% узбекских студентов высказалось в пользу сохранения граффити на стене здания, в противоположность им 12% опрошенных российских студентов полагают возможным сохранить граффити.

Причинами этому можно считать национальные традиции и представления в узбекском обществе, не допускающие возможным существование рисунков на стенах зданий, а также распространенную российскую практику по раскрашиванию домов и стен зданий собственниками зданий, энтузиастами, уличными художниками и пр.

Таблица 3

Мотивы вандальных повреждений городских объектов

Мотив вандализма	Группы опрошенных: молодежь...	Объект культурной ценности (памятник)	Объект социальной ценности (здание)	Объект индивидуальной ценности (автомобиль)
Хулиганский	узбекская	97	67	79
	российская	91	68	74
Игровой (развлекательный)	узбекская	1	5	11
	российская	2	11	15
Творческий (бытовой)	узбекская	1	28	9
	российская	7	21	11

Примечание: числовые данные о суждениях респондентов представлены в процентах, округлены до целых значений.

Различия между выборками узбекской и русской молодежи статистически значимы относительно объекта культурной цен-

ности – памятника (критерий χ^2 , различия частот). Из таблицы видно, что в узбекской выборке не встречаются мнения об игровой

причине вандальных действий в отношении памятника, а также допустимости творческого преобразования памятника. Для выборки русских опрошенных такие мнения свойственны, но на минимальном (7% от общего количества ответов) уровне выражения. Объяснение этим результатам можно дать, сославшись на мнение о размывании границ вандальности в представлении российской молодежи [11]. Снижение субъективной значимости памятников, утрата их ценностного значения в российском обществе сказывается и на молодежи. Считая допустимым их творческое преобразование, пусть даже и вандальным способом, молодежь демонстрирует недостатки и неудачи культурной социализации. Возможным способом противодействия обесцениванию символов культуры и истории выступает информационно-пропагандистская работа.

В Республике Узбекистан ее основу составляют общественные представления о нравственности и надлежащем поведении. Для их обозначения используются термины «маънавият» и «маърифат».

В современном узбекском языке «маънавият» имеет несколько значений, относимых к ряду понятий «духовность, нравственность» [16]. Ряд исследователей связывает данное понятие с идеологией узбекского общества, образующей основу социальных отношений [12], выступающей отличительным свойством узбекской национальности. С маънавиятом связывается национальная идентификация узбекской молодежи, мировоззренческая направленность на благо и развитие страны. Вторым термином, используемым для объяснения формирования отношения к вандализму, является «маърифат» – «просвещение, воспитание». Целью просвещения выступает поддержание нравственного поведения узбекской молодежи, социальной сплоченности и связей между поколениями, противостояние преступности в узбекском обществе, деструктивному влиянию радикальных и экстремистских сообществ.

«Маънавият» и «маърифат» взаимосвязаны в своем влиянии на представления узбекской молодежи о должном, приемлемом и недопустимом. Основанные на традиционных ценностях и консервативном мировосприятии зрелой части узбекского общества, поддерживаемые государственными фондами, эти воспитательные нарративы представлены во всех сферах общественной жизни. Как результат, противодействие вандализму осуществляется в рамках общественно-государственного взаимодействия. Его субъектами выступают институты государственного, муниципального управления (хоккимияты), обществен-

ные собрания самоуправления граждан (махалли). Все они транслируют общее, непротиворечивое отношение к вандализму, предполагающее неприемлемость всех его форм, благодаря чему вандализм рассматривается аморальным поступком, посягающим на общественную нравственность.

Обсуждая результаты исследования, отметим, что были выявлены различия в мнениях респондентов относительно бытового вандализма. Следует подчеркнуть, что даже если они и не выходят за пределы статистической значимости, наряду с этим показывают готовность вошедших в узбекскую и российскую выборку к вандальным действиям в отношении мест общественного пользования. Поскольку дизайн исследования не позволяет сформулировать более детальные предположения, заключим, что мотивы бытового вандализма нуждаются в дополнительном уточнении.

Количественные различия выявлены между выборками по атрибуции вандальных действий относительно автомобиля. В узбекской выборке в меньшей мере представлены мотивы вандальной шутки и вандального творчества.

Обсуждая выявленные различия, отметим, что для узбекской выборки в целом свойственен более высокий уровень принятия памятников, а также консервативный взгляд на вандальное преобразование объектов. Вывод об этом можно подкрепить указанием на ранее полученные нами сведения о восприятии вандализма российской молодежью, проживающей в городах и селах [5].

Мнения российской сельской молодежи и узбекских студентов совпадают – обе выборки негативно оценивают вандальные манипуляции с памятниками. Вместе с тем, хотя остаются неясными основания подобного отношения, в случае узбекской молодежи можно выдвинуть предположение о влиянии социальных представлений о высокой ценности исторического наследия, формируемых под влиянием институтов просвещения узбекского общества. Конечно, эта гипотеза нуждается в дополнительной проверке, требующей организации самостоятельного исследования. Общественное влияние на формирование антивандальных установок заключается, с одной стороны, в системе социальных представлений, отрицающих вандализм, признающих его аморальный и антиобщественный характер, а с другой – в системе социального контроля, выражающегося в существовании форм самоорганизации жителей, инициативных групп, регулирующих поведение в условиях городского общежития. Вместе с тем, несмотря на относительно целостную систему социальных представлений, ванда-

лизм все равно существует в городской среде узбекских городов, находя свое воплощение в виде сломанных сооружений, обветшалых зданий, замусоренных каналов, заклеенных объявлениями столбов, разрисованных стен придомовых построек.

Подводя итоги, отметим, что в рамках выполненного исследования установлены различия в восприятии вандализма представителями узбекской молодежи по сравнению с российской. Узбекской молодежи свойственен более высокий уровень отрицания вандализма по отношению ко всем объектам городской среды, вне зависимости от их ценности. Несмотря на внешнюю привлекательность, художественную ценность или эстетичность граффити, опрошенные не считали необходимым сохранять вандальные преобразования памятников, городских стен или индивидуальной собственности. Наряду с этим, узбекской молодежи, как и российской, свойственно снисходительное отношение к вандальному преобразованию объектов общего пользования (замусориванию, наклеиванию объявлений и пр.) [8]. Эта особенность позволяет предположить, что подобные действия рассматриваются допустимыми и приемлемыми.

Вывод. Выполненное исследование нацелено на выявление социальных представлений, регулирующих отношение узбекской молодежи к вандальному поведению. С этой целью проводится изучение антивандалных норм узбекского законодательства, обобщаются сведения о ванда-

льных преступлениях и правонарушениях. Анализируются общественные институты, обеспечивающие социальный контроль над вандальным и хулиганским поведением.

В ходе исследования определяются ключевые особенности отношения к вандализму в среде узбекской молодежи, выясняются отличия от взглядов российской молодежи. Результаты данного анализа позволяют судить о совпадении либо различии мнений молодежи относительно уместности вандализма, делать выводы о преобладании консерватизма либо реформаторских настроений, расширяющих пределы допустимого относительно вандализма. Более того, их рассмотрение позволяет затронуть более широкий контекст отношений узбекской молодежи к правовому и социальному поведению. Оценка приемлемости вандализма молодежью становится своего рода индикатором, демонстрирующим степень интеграции молодежи в систему ценностей и убеждений узбекского общества.

Полученные результаты расширяют представления о механизмах социальной регуляции вандализма в узбекском обществе, важности идеологической работы по противодействию и профилактике вандализма в отношении культурных ценностей. Дальнейшие исследования в этой области представляются ценным источником информации не только о теоретических аспектах существования вандализма, но и методах и приемах его профилактики в среде российской молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева, И. В. Вандализм в городской среде: девиация или коммуникация : монография / И. В. Воробьева, К. В. Злоказов, О. В. Кружкова, А. Г. Оболенская, Р. Ю. Порозов, Д. В. Руденкин, И. А. Симонова ; УрГПУ. – Екатеринбург : [б. и.], 2018. – 200 с.
2. Воробьева, И. В. Субъектогенез и границы субъектности и их роль в формировании вандального поведения / И. В. Воробьева // Конфликтность современности / УрГПУ. – Екатеринбург : [б. и.], 2014. – С. 102-118.
3. Василюк, Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) / Ф. Е. Василюк. – Москва : Изд-во МГУ, 1984. – С. 41.
4. Гурова, О. В. Вандальное поведение подростков как правовая и психологическая проблема / О. В. Гурова // Образование и наука. – 2018. – № 10. – С. 76-94.
5. Злоказов, К. В. Закономерности восприятия вандальных действий молодежью, проживающей в городах и поселках / К. В. Злоказов // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / под ред. А. Асмолова. – Москва : Изд. дом ЯСК, 2018. – С. 71-73.
6. Злоказов, К. В. Криминологическая характеристика и направления профилактики вандального поведения / К. В. Злоказов // Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики». – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 2019. – С. 146-149.
7. Ключко, В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ) / В. Е. Ключко. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – 189 с.
8. Кружкова, О. В. Функции вандализма в молодежном поведении: от личности к обществу / О. В. Кружкова, И. В. Воробьева, Р. Ю. Порозов, Б. Зарбова // Образование и наука. – 2018. – № 20 (10). – С. 95-120.
9. Панов, В. И. Экологическая психология: опыт построения методологии : монография / В. И. Панов. – Москва : Наука, 2004. – 411 с.
10. Рубинштейн, С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – Москва : Наука, 1997. – 189 с.
11. Руденкин, Д. В. Молодежный вандализм в среде мегаполиса: границы нормы и девиации / Д. В. Руденкин, И. В. Воробьева, О. В. Кружкова, М. С. Кривошекова // Образование и наука. – 2018. – № 20 (2). – С. 125-146.

12. Ташланов, Т. Проблемы мировоззренческого воспитания молодежи в регионах традиционного распространения ислама (на материалах республик Средней Азии) : 09.00.06 : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Ташланов Т. – Ташкент, 1992. – 44 с.
13. Ceccato, V. Assessing the geography of vandalism: Evidence from a Swedish city / V. Ceccato, R. Haining // *Urban Studies*. – 2005. – № 4 (29). – P.1637-1656.
14. Cohen, S. Destruction of property: motives and meanings / S. Cohen // *Vandalism* / ed. by C. Ward. – London : The Architectural Press, 1973. – P. 23-53.
15. Long, M. Introduction / M. Long, R. H. Burke // *Vandalism and Anti-Social Behaviour. Critical Criminological Perspectives*. – London : Palgrave Macmillan, 2015.
16. Maerz, S. F. Ma'naviyat in Uzbekistan: an ideological extrication from its Soviet past? / S. F. Maerz // *Journal of Political Ideologies*. – 2018. – No. 23:2. – P. 205-222. – DOI: 10.1080/13569317.2018.1419448.

REFERENCES

1. Vorob'eva, I. V., Zlokazov, K. V., Kruzhkova, O. V., Obolenskaya, A. G., Porozov, R. Yu. et al. (2018). *Vandalizm v gorodskoi srede: deviatsiya ili kommunikatsiya* [Vandalism in the Urban Environment: Deviation or Communication]. Ekaterinburg, 200 p.
2. Vorob'eva, I. V. (2014). Sub'ektogenez i granitsy sub'ektnosti i ikh rol' v formirovanii vandal'nogo povedeniya [Subjectogenesis and Boundaries of Subjectivity and Its' Role in the Formation of Vandal Behavior]. In *Konfliktogennost' sovremennosti*. Ekaterinburg, pp. 102-118.
3. Vasilyuk, F. E. (1984). *Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsiy)* [Psychology of Feeling (Analysis of Overcoming in Critical Situations)]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. P. 41.
4. Gurova, O. V. (2018). Vandal'noe povedenie podrostkov kak pravovaya i psikhologicheskaya problema [Vandal Behavior of Adolescents as a Legal and Psychological Problem]. In *Obrazovanie i nauka*. No. 10, pp. 76-94.
5. Zlokazov, K. V. (2018). Zakonomernosti vospriyatiya vandal'nykh deystvii molodezh'y, prozhivayushchei v gorodakh i poselkakh [Regularities of Perception of Vandal Actions by Young People Living in Cities and Towns]. In Asmolova, A. (Ed.). *Mobilis in mobili: lichnost' v epokhu peremen*. Moscow, Izdatel'skii dom YaSK, pp. 71-73.
6. Zlokazov, K. V. (2019). Kriminologicheskaya kharakteristika i napravleniya profilaktiki vandal'nogo povedeniya [Criminological Characteristics and Directions of Prevention of Vandal Behavior]. In *Materialy Vserossiyskoi nauch.-prakt. konf. «Pedagogika i psikhologiya v deyatelnosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: integratsiya teorii i praktiki»*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, pp. 146-149.
7. Klochko, V. E. (2005). *Samoorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transspektivnyy analiz)* [Self-Organization in Psychological Systems: Problems of the Formation of the Mental Space of a Person (Introduction to Trans-Perspective Analysis)]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 189 p.
8. Kruzhkova, O. V., Vorob'eva, I. V., Porozov, R. Yu., Zarbova, B. (2018). Funktsii vandalizma v molodezhnom povedenii: ot lichnosti k obshchestvu [Functions of Vandalism in Youth Behavior: from Personality to Society]. In *Obrazovanie i nauka*. No. 20 (10), pp. 95-120.
9. Panov, V. I. (2004). *Ekologicheskaya psikhologiya: opyt postroeniya metodologii* [Ecological Psychology: the Experience of Building a Methodology]. Moscow, Nauka. 411 p.
10. Rubinshteyn, S. L. (1997). *Chelovek i mir* [Man and the World]. Moscow, Nauka. 189 p.
11. Rudenkin, D. V., Vorob'eva, I. V., Kruzhkova, O. V., Krivoshchekova, M. S. (2018). Molodezhnyi vandalizm v srede megapolisa: granitsy normy i deviatsii [Youth Vandalism in the Metropolitan Environment: the Boundaries of the Norm and Deviation]. In *Obrazovanie i nauka*. No. 20 (2), pp. 125-146.
12. Tashlanov, T. (1992). *Problemy mirovovzrencheskogo vospitaniya molodezhi v regionakh traditsionnogo rasprostraneniya islama (na materialakh respublik Sredney Azii)* [Problems of Worldview Education of Youth in Regions of Traditional Spread of Islam (Based on Materials from the Republics of Central Asia)]. Avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. Tashkent. 44 p.
13. Ceccato, V., Haining, R. (2005). Assessing the Geography of Vandalism: Evidence from a Swedish City. In *Urban Studies*. No. 4 (29), pp. 1637-1656.
14. Cohen, S. (1973). Destruction of Property: Motives and Meanings. In Ward, C. (Ed.). *Vandalism*. London, The Architectural Press, pp. 23-53.
15. Long, M., Burke, R. H. (2015) Introduction. In *Vandalism and Anti-Social Behaviour. Critical Criminological Perspectives*. London, Palgrave Macmillan.
16. Maerz, S. F. (2018). Ma'naviyat in Uzbekistan: an Ideological Extrication from Its Soviet Past? In *Journal of Political Ideologies*. No. 23:2, pp. 205-222. DOI: 10.1080/13569317.2018.1419448.